

ΠΡΟΣΗΟΓ

Канун Дня Всех Святых, 1820 год. Омут

Ветер, пришедший с севера, не просто выл — он бился в свинцовые стёкла высоких окон особняка Омута, как обезумевшая птица, чувствующая приближение хищника. Он швырял в стены капли дождя и шелестел ветвями столетних елей, окружавших здание. Но внутри, в кабинете хозяина, царил иная буря — тихая, сосредоточенная, рождавшаяся в глубине души человека, который сидел в кожаном кресле у пылающего камина.

Амадей фон Грайф, четвёртый владелец родового гнезда, был неподвижен. В его длинных аристократических пальцах замер бокал с бургундским вином, тёмным, как запёкшаяся кровь. Но взгляд его устремился не на игру пламени, а на пергаменты, разложенные на столе из чёрного дерева. Возраст их исчислялся веками; края были обуглены, а текст нанесён чернилами, которые даже сейчас, спустя столетия, пахли не просто пылью, а медью, серой и озоном — предвестием скорой магической грозы.

КАТАРИНА БРАЙТ

Это были записи, купленные за бешеные деньги у странствующего алхимика, доктора Альбанецци. И они стоили каждой потраченной монеты. Они говорили о вечности. О величии, которое не смогут уничтожить ни время, ни завистливые взгляды соседей, ни ветры политических перемен. О силе, что спала в самом сердце утёса, на котором столетие назад его прадед возвёл этот дом.

Амадей поднял бокал для тоста с самим собой, со своим отражением в тёмном стекле окна, за которым бушевала стихия.

— За вечность, фон Грайф, — прошептал он, и его голос, обычно твёрдый и властный, звучал хрипло от напряжения. — За дом, который станет не только крепостью, но и тронем. За род, который будет править этими землями, пока последний камень не обратится в песок.

В ответ на его слова ветер завыл с новой силой, и на миг Амадею почудилось, что в этом стоне слышится не ярость, а одобрительный древний смех. Он откинул голову на спинку кресла, закрыл глаза, чувствуя, как страх и адреналин смешиваются в его крови с опьяняющим предвкушением. Всё было готово. Ритуал, символы, жертвенный нож из обсидиана и сама жертва. Прекрасная, живая, доверчивая.

Оставалось только дожидаться рассвета. И прихода его невесты, Элеоноры.

Амадей открыл глаза и взглянул на портрет своего отца, сурового Леонарда фон Грайфа, висевший над камином.

— Ты довольствовался малым, отец, — тихо сказал он. — Ты охранял то, что построили другие. Но я... я возведу наш дом на недосыгаемую высоту. Я стану не сторожем. Я стану богом этих земель.

Он не знал, что боги бывают разные. И что некоторые из них питаются страхом и кровью тех, кто их призывает.

ΓΛΑΒΑ 1

ВЛАДЕЛЕЦ УТЁСА. ТЕНЬ ПРЕДКОВ

Осень 1818 года

Воздух в бальном зале Омута был густым от запаха пудренных париков, дорогих духов, воска и человеческого тела. Сотни свечей в хрустальных люстрах отражались в паркете, полированном до зеркального блеска, а их свет выхватывал из полумрака бронзу рам, алый бархат обивки и то напряжённые, то оживлённые лица гостей. Это был первый большой приём, данный новым хозяином Омута, Амадеем фон Грайфом, вступившим в права наследования после скоропостижной кончины своего отца Леонарда.

Сам Амадей, казалось, рождён для этой роли. В свои тридцать лет он был воплощением аристократической выправки — высокий, с идеальной осанкой, унаследованной от поколений предков-военных. Его чёрные как смоль волосы, не скрытые париком, были убраны назад, обнажая высокий лоб и холодные, пронзительные глаза цвета грозо-

КАТАРИНА БРАЙТ

вого неба. Резкие черты лица — орлиный нос, твёрдый подбородок, тонкие губы — казались отлитыми из бронзы с тех самых портретов, что сурово взирали на него из тёмных углов зала. В своём новом, шитом по последней английской моде тёмно-синем камзоле он выглядел как настоящий властный князь, каким, по сути, и был в пределах своих обширных земель.

Он легко скользил между гостями, обмениваясь любезностями с соседями-аристократами, кивая главам местного духовенства, снисходительно улыбаясь дочерям окрестных помещиков. Девушки украдкой поглядывали на него, пленённые его мрачной харизмой. Смех Амадея — редкий, резкий и лишённый истинной теплоты, — на мгновение заглушал звуки оркестра. Он был центром вселенной, солнцем, вокруг которого вращались эти провинциальные планеты.

— Ваш отец, светлой памяти, был большим ценителем покоя, — говорил тучный барон фон Адельберг, с трудом переваривая кусок дичи. — А вы, любезный Амадей, судя по всему, намерены вернуть Омуту былую славу самого гостеприимного дома в округе.

— Покой — удел монахов и стариков, — с лёгкой усмешкой парировал Амадей, поправляя кружевной манжет. — Омут был построен как крепость. Я же намерен сделать его тронем. Скромным, конечно, — он сделал жест, оглядывая зал, — но тронем.

В его словах звучала не простая бравада. За внешним лоском и уверенностью скрывалась глубокая, разъедающая досада. Всё это — и бальный зал, и гости, и даже его собственное богатство — казалось ему бутафорией, игрой в величие. Мир за стенами Омута менялся стремительно и, на его взгляд, пошло. Деньги и титулы, добытые его предками мечом и кровью, теперь легко оспаривались какими-то выскочками-промышленниками. Его власть представлялась призрачной, ограниченной клочком земли на карте империи. Он был правителем, которого не боялись по-настоящему, а лишь терпели из-за его древнего имени.

На следующее утро, когда последние гости разъехались, а слуги закончили уборку последствий пиршества, Амадей остался один в опустевшем и оглушённом тишиной зале. Он подошёл к высокому арочному окну, смотрящему на парк, погружённый в осенний туман. Величественный вид, который обычно наполнял его гордостью, сегодня вызывал лишь раздражение. Он чувствовал себя не хозяином, а зрителем гигантского, прекрасного музея, обречённого на медленное забвение.

Именно это чувство — страх перед ничтожностью и забвением — заставило его спуститься в библиотеку. Не ту парадную, что показывали гостям, а его личную, доставшуюся от отца. Комнату, заставленную тёмными до самого потолка шкафами из дуба, пахнущую пылью, старым пергаментом и табаком Леонарда.

Он сел в кресло у камина, в котором угасали угли, и его взгляд упал на массивный письменный стол из чёрного дерева. Этот стол — единственное, что отец завещал ему лично, с каким-то странным намёком во взгляде. Амадей никогда не испытывал к отцу особой теплоты — тот был холодным, замкнутым человеком, — но сейчас, в порыве тоски, он потянулся к ящикам стола, как будто надеясь найти в них если не ответы, то хоть какое-то понимание.

Перебирая кипы счетов, писем и юридических документов, он наткнулся на едва заметную щель в боковой панели одного из ящиков. Любопытство, смешанное со скукой, заставило его нажать на неё. Раздался тихий щелчок, и потайной ящик выдвинулся. Внутри, перевязанные чёрной шёлковой лентой, лежали несколько потрепанных тетрадей в кожаном переплёте и свёрток из грубой ткани.

Сердце Амадея забилось чуть чаще. Он развязал ленту. Это были дневники отца. Но не те, где описывались хозяйственные дела или политические новости. На этих страницах, испещрённых нервным почерком Леонарда, говорилось о другом. О ночах, проведённых

КАТАРИНА БРАЙТ

без сна, о чувстве чужого взгляда, устремлённого на дом со стороны утёса, о странных снах, в которых камни Омута начинали говорить.

Амадей читал, и по коже у него бежали мурашки. Затем он развернул свёрток. Внутри лежала тонкая книга в обложке из потёртой кожи, исписанная символами, которых он никогда не видел, и несколько листков с заметками отца. На полях, рядом с изображениями сложных кругов и спиралей, рукой Леонарда были выведены слова: «Бред сумасшедшего алхимика?» И чуть ниже, другим пером, будто в порыве слабости: «...но сила чувствуется. Искушающая. Какой ценой? Какой ценой, Господи?»

Амадей откинулся на спинку кресла. Он смотрел на таинственные знаки, и впервые за долгие месяцы скука и раздражение покинули его. Их сменило новое, щекочущее нервы чувство — предвкушение. Предвкушение тайны. Тайны, которая, он чувствовал, могла дать то, чего ему так не хватало, — настоящую, неоспоримую власть. Не над людьми. Над самой судьбой.

Он не знал тогда, что только что развязал ленту, связывающую его род с древним злом. Он лишь чувствовал, что нашёл ключ. Ключ от двери, которую его отец боялся открыть. Но Амадей фон Грайф не был трусом.